

Наталья Александрова

Портрет неизвестной

Роковой артефакт

Наталья Александрова
Портрет неизвестной

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Портрет неизвестной / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2018 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-106715-1

По легенде, сотни лет назад из храма индейского племени чима был похищен уникальный алмаз, украшавший статую безжалостного, требующего кровавых жертв божества. С тех пор камень приносил своим владельцам лишь несчастья, но, несмотря на дурную славу, за ним фанатично охотились во все времена. В наши дни питерская домохозяйка Надежда Лебедева становится свидетельницей ряда странных событий, которые заставляют ее поверить в легенду об уникальном артефакте и включиться в его поиски.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106715-1

© Александрова Н. Н., 2018
© АСТ, 2018

Наталья Александрова

Портрет неизвестной

Роман

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

«Пора уходить, – сказала себе Надежда, – а то я все деньги тут оставлю».

И то сказать, пакет уже оттягивал руки. На дне его находилась тяжелая коробка с новым утюгом, сверху лежали два симпатичных махровых полотенчика, которые очень подходили к цвету кафельной плитки в ванной, еще выше – косметический набор, который продавался с большой скидкой, и Надежда решила, что это будет хороший подарок подруге Алке на день рождения. А в другой руке, кроме сумки, был пакет с очень миленькой летней маечкой.

Проходя мимо магазина, Надежда решила, что, кроме хозяйственных покупок нужно подумать и о себе, любимой. На дворе – середина апреля, лето не за горами, всегда приятно надеть что-то новенькое. Это поднимает настроение и самооценку.

Таким образом набрав множество покупок и опустошив кошелек, Надежда решила, что с нее хватит суеты торгового центра и пора домой. Погода хорошая, можно пройти пешком, хотя сумка тянет, но Надежда Николаевна никогда не боялась трудностей, поэтому, перехватив пакет поудобнее, она устремилась к вращающимся дверям торгового центра.

И возле самой двери кто-то налетел на нее и едва не сбил с ног. И не кто-то, а крупный мужчина, хорошо одетый и пахнувший дорогим одеколоном. Он прижимал к уху мобильный телефон и Надежду просто не заметил.

Надежда Николаевна на ногах всегда стояла крепко, так что и сейчас она не упала, но выронила из рук пакет. А вдруг с новым утюгом что-нибудь случится? А он, между прочим, дорогой, мощный, хорошей фирмы...

– Что вы себе позволяете?! – возмущенно завопила Надежда. – Вы что, вообще вокруг себя не смотрите?!

– Простите, – мужчина повернулся и посмотрел удивленно, потом нагнулся, чтобы поднять Надеждин пакет.

Она успела раньше, так что они там, внизу, едва не стукнулись лбами. Глаза их оказались на одном уровне, и его глаза вдруг удивленно округлились, и он застыл на месте. Надежда выхватила у него из рук пакет и потрясла его. Вроде бы ничего не бренчало, стало быть, ни одна деталь не отвалилась от утюга.

Поднялись они тоже одновременно, Надежда уже хотела уйти, но, к ее изумлению, мужчина взял ее за локоть.

– Надя, – сказал он, – неужели это ты?

– Вообще-то я... – неуверенно ответила Надежда, – но...

Она неуверенно взгляделась в мужчину напротив и вдруг радостно завопила:

– Лёлик! Глазам не верю!

– Вот как дам сейчас по шее... – тут же ответил он, и Надежда уверилась, что не ошибается.

Лёлик! Друг детства!

Жили когда-то в одном дворе, зимой целыми днями пропадали на горке и лепили снежную крепость, весной устраивали запруды или, наоборот, прорывали ручейки, чтобы отвести воду из огромной лужи, которая с завидным постоянством появлялась после таяния снега и заполнялась после каждого дождя. Осенью собирали желуди под огромным дубом, что рос в углу двора с незапамятных времен, бабушка говорила, что даже в блокаду его не срубили. Из желудей и спичек делали человечков, у Лёлика, надо сказать, они получались лучше всех.

Весной он сажал своих человечков в бумажные кораблики и пускал по лужам, утверждая, что они могут добраться не только до Невы, но и до Финского залива. Верила ему только Надя, остальные посмеивались и дразнили.

Звали его Мишей, но опять-таки помнила об этом одна Надя, и то не всегда. Фамилия у него была простая и незамысловатая – Леонов, как у космонавта, но когда появился во дворе довольно толстый мальчик в чистенькой одежде, главный местный хулиган Витька Капитонов тут же окрестил его Лёликом.

Кличка прилипла намертво и очень ему подходила – чистенький такой, толстенький, губастенький, одно слово – Лёлик.

Клички во дворе давали всем, самого Витьку Капитонова звали Витя-Титя, и даже он махнул на это рукой. Но Лёлик отчего-то очень обижался и тут же грозил, что вот сейчас как даст по шее. Никому он ничего не давал – ни по шее, ни по носу, ни по голове, ни по другим частям тела. Лёлик вообще не умел драться.

В школу они пошли не вместе – Лёлик был на год старше Нади. Отец его был военный моряк, жили они в доме возле порта временно и через три года уехали – отца перевели служить на Дальний Восток.

Для того чтобы переписываться, Надя и Лёлик еще были слишком малы, правда, он прислал ей красивую открытку на Новый год. И на этом дружба прервалась.

– Мишка, – Надежда чуть запнулась, произнося его имя, – как же я рада! Мы же лет сорок не виделись!

И тут же прикусила язык – сейчас он сообразит, сколько же ей лет. Впрочем, он это и так знает, тут же повеселела Надежда, так что нечего расстраиваться из-за ерунды.

Она оглядела своего друга детства. Вид имеет приличный – хорошая куртка, аккуратно подстрижен, видно, что в дорогом салоне, чисто выбрит, взгляд уверенный.

– А я-то как рад! – Лёлик взял ее руки в свои. – Надо же, смотрю и не верю – Надька!

– Меня еще можно узнать? – рассмеялась Надежда, машинально поправив волосы.

– Запросто, ни капли не изменилась.

Тут они оба вспомнили девчонку с косичками, похожими на две запятые, и с вечно расцарапанными коленками и засмеялись.

Красномордая тетка с двумя огромными сумками натолкнулась на них и недовольно пробурчала, что стоят тут на дороге, приличным людям пройти не дают.

– Пойдем-ка вон туда! – Лёлик потянул Надежду в сторону кафе, что находилось тут же, на первом этаже. – Как хочешь, а так просто я тебя не отпущу!

Когда сделали заказ, Надежда еще раз поглядела на своего визави. Определенно, вид у него весьма преуспевающий. Не олигарх, конечно, но и не бедствует. Когда снял куртку, видно, что слегка полноват, но это уж у него с детства такая конституция.

Надежда Николаевна была женщиной общительной и любила встречаться со старыми друзьями. Только желательно, чтобы все у них было хорошо в личной жизни. Потому что слушать жалобы на несправедливую судьбу и на стерву-жену как-то не хочется.

У Лёлика с финансовой стороной жизни было, надо думать, все в порядке, но вот обручального кольца на руке не было. Впрочем, это ничего не значит.

– Как ты? – спросили они хором и рассмеялись.

– Все хорошо, – ответила Надежда, – муж, дочка, внучка уже есть. С работы меня сократили, так муж так обрадовался – велел дома сидеть и отдыхать.

Тут она все же немного покривила душой, поскольку терпеть не могла свой статус домашней хозяйки. К тому же все друзья и знакомые, как только узнали, что Надежда бросила работу, тут же, по выражению подруги Алки, совершенно обнаглели и навесили на Надежду массу своих собственных дел.

Посидеть в квартире, ожидая мастера по ремонту телефона или сантехника, отвезти в ветлечебницу попугая, встретить на вокзале тетю из Новохоперска, забрать из школы малолетнего хулигана и тут же определить его в бассейн, сдать в магазин неисправную кофеварку... Надежда искренне недоумевала: как же они все жили раньше?

В конце концов, по совету все той же Алки, Надежда научилась говорить «нет». Не сразу, но помогло. Так что увольнение с работы принесло Надежде мало радости. Но не вываливать же все это человеку, с которым не виделась сорок лет!

– А у тебя как дела?

– Ну... – Лёлик помедлил и вздохнул.

Тут Надежда заметила какую-то маету и озабоченность в его круглых глазах. Принесли кофе и пирожные. Лёлик после непродолжительного колебания заказал эклер и корзиночку, очевидно, он, как в детстве, любил сладкое.

– С работой все хорошо, – начал он, – я ведь электротехнический заканчивал.

– Да что ты? В нашем городе?

– Ну да. Отца во Владивосток перевели, там он и служил, а я там школу закончил и приехал сюда, бабушка у меня жила на Петроградской стороне, комната у нее была в коммуналке. Ты не поверишь, Надя, когда учился, даже в тот наш двор приезжал, искал кого-то из знакомых, но никого не нашел.

– Мы переехали.

– Ребята кто в армию ушел, кто тоже переехал, один только Витька Капитонов меня встретил. Он уж тогда алкашом был, о чем с ним говорить-то?

– Он вскоре и умер, паленой водкой отравился...

– Да бог с ним! Значит, закончил я институт, а тут бабушка умерла, комнату на меня не успела переписать. Поехал я к родителям во Владивосток, да там и застрял, потому что женился.

– Да ну? Как так – сразу?

– Вот и сразу, – Лёлик тяжело вздохнул и откусил сразу половину корзиночки, – так уж вышло. Познакомились мы на танцах, она, Тамара, тоже с родителями в военном городке жила, только меня на два года младше была. Училась в Москве, приехала на каникулы, тут мы и... в общем, лето кончается, она приходит вся бледная, да как бухнет мне – беременна. Я – как да что, да вроде мы это... то есть не это... извини, Надя, за такие подробности...

– Да ладно, что мы – дети, что ли... хотя нынешние дети поумнее нас в этом вопросе будут.

– Это уж точно! – Лёлик доел корзиночку и посматривал теперь на эклер.

Надежда отщипывала потихоньку сухое пирожное и пила кофе, в который положила мало сахара и теперь усиленно отводила глаза от сахарницы, в общем, проявляла силу воли.

– Ну, значит, признались мы родителям, ее отец сразу о свадьбе заговорил. Я растерялся, конечно, а что делать-то... Мама повздыхала, конечно, но, говорит, девушка вроде своя, родители нам знакомы, могло быть и хуже... Ну, свадьбу сыграли, я и опомниться не успел. Поехали в Москву, я с трудом на работу устроился, квартира съемная, родители, конечно, денег присылали, так у них тогда тоже трудности начались. А Тамаре ни ребенок, ни я были не нужны, она так и говорила, не стеснялась. Она учиться хотела, потом карьеру делать, а пока с подружками повеселиться. А тут – беременность плохо проходит, денег нет, красота вся ушла... В общем, она меня прямо возненавидела. Я, конечно, тоже не подарок был, в общем, ругались мы с ней страшно. Дочка родилась – опять начались трудности, да они и не кончались. Тамарка на дипломе, я на работе, а тут еще теща приехала, сидим друг у друга на голове. Ребенок вечно орет, теща шипит, я так устроился, чтобы в командировки все время ездить. Ну, прошло какое-то время, возвращаюсь я как-то вечером с работы, а в квартире нашей съемной хозяйка сидит. И мне от Тамарки письмо передает. Дескать, надоело ей все до чертиков, теща дочку забрала, а она меня видеть уже не может, на развод сама подаст. Веришь или нет, Надя, но я тогда такую радость почувствовал – едва в пляс не пустился, едва хозяйку эту не расцеловал. И с Тамарой мы больше вообще никогда не виделись, на дочку теще деньги какие-то все же я посылал. Работал много, квартиру купил со временем, ипотеку выплачивал. Ну, конечно, с женщинами встречался, да только жениться не хотел, хватило уже.

– Это ты зря... как же без семьи-то...

Надежда произнесла эти слова машинально, на самом деле ее волновало другое.

Лёлик, конечно, очень славный, и она искренне рада встрече, однако, судя по всему, он всерьез настроился рассказывать ей всю свою жизнь. Это был только первый брак, а вдруг у него было вообще семь жен, как у Синей Бороды?

И даже если не семь, а три, то это тоже очень много, потому что он-то, судя по всему, никуда не торопится, а у Надежды время поджигает. Муж с работы придет, а у нее и ужина нет.

Нужно хотя бы за час до него дома быть и что-нибудь сообразить из имеющихся запасов.

Однако неудобно демонстративно на часы смотреть, воспитание не позволяет.

– А как же дочка? – спросила она только для того, чтобы проявить интерес к разговору.

– Да как... – Лёлик нахмурился, – я, конечно, денег посылал и теще написал даже, чтобы, если что нужно, ко мне обращалась, только мне ни ответа ни привета.

Так время и прошло, звонит мне вдруг Тамара – так и так, говорит, замуж выхожу и уезжаю в Штаты, на постоянное место жительства, а от тебя разрешение на дочку требуется. И что если хочу я, чтобы меня в покое оставили и чтобы она меня ежечасно не проклинала, то чтобы подписал все бумаги быстро, а она со своей стороны никаких претензий ко мне не имеет. Ну, я подумал немного, да и согласился. Сама посуди – ребенка этого я уж сколько не видел, она про меня вообще знать не знает, какой из меня папаша? Тамарку видеть не могу, да и ее, судя по всему, даже от телефонного разговора со мной уже трясет.

– Это же надо уметь – так друг другу опротиветь...

– Ага, она даже за документами не пришла, адвоката прислала. Ну, и все на этом, перечеркнул я ту страницу, надо дальше жить. Тут как раз познакомился с женщиной. Скромная, приятная, симпатичная, сын у нее от первого брака...

– А сама из провинции? – прищурилась Надежда.

– А ты, Надя, как догадалась?

– Да что уж тут... – вздохнула Надежда, – все ясно.

Она протянула руку, чтобы поправить волосы, при этом удалось взглянуть на часы. Время неумолимо бежало вперед, к возвращению мужа с работы.

– Ну, не буду тебя лишними подробностями грузить, – также вздохнул Лёлик.

«Хорошо бы!»

– В общем, сначала так просто вместе жили, потом расписались, в квартиру я их с сыном прописал, так ее как подменили. Была такая скромная, спокойная, голос тихий, смех приятный, а тут... стала денег требовать, а как ругается – ну так орет, прямо баба базарная. И главное – я тогда зарабатывал прилично, денег на нее не жалел, все у них с сыном было, а ей все мало!

Надежда посмотрела на Лёлика очень выразительно – обещал же не вдаваться в подробности. Как ни странно, он ее взгляд понял. И даже покраснел.

– Извини, что-то я действительно разболтался. Короче, устроила она мне в квартире настоящий ад, так что решил я разводиться. Да ради бога, она говорит, оставь мне квартиру, да и катись к чертовой матери, я тебя искать не буду.

– Однако...

– Я от такого дар речи потерял, говорю – да у тебя же прав никаких нет, квартира моя. Она и отвечает, что это мы еще посмотрим. И началось... всем соседям на меня нажаловалась, что я ее бью, на работу телегу накатала...

– Да кто ж на работе сейчас на это внимание обращает! Это раньше парткомом и профкомом пугали!

– Ну да, времена другие, но все же сотрудники коситься стали, особенно дамы. Сплетни пошли. Потом она всем друзьям позвонила, наговорила разного-всякого...

– А у тебя друзей и так немного было...

– Точно, как-то я с людьми плохо схожусь.

– А скажи, Лё... Миша, родственники у тебя есть? В таком деле, знаешь, иногда родные помогают – хоть советом поддержат, хоть сочувствием.

– Отец к тому времени умер, мама жила в Москве отдельно и болела. Братьев-сестер у меня нет, ты знаешь, а с остальными я как-то не очень. Мы все время в разъездах были, по всей стране мотались, я двоюродных и знаю-то плохо. В общем, подал я на развод, нанял хорошего адвоката, но он говорит, что дело это нелегкое – ее с ребенком из квартиры выжить. Предлагал я ей денег – хоть какую-то квартирку на окраине можно купить, – нет, орет, сам туда катись, а я тут останусь. Там квартира у метро «Сокольники» – парк рядом, воздух свежий, метро опять же... до центра десять минут. И до того меня довела, что я уже в квартире оставаться боюсь. Думаю, либо она меня отравит, либо полицию вызовет и скажет, что я ее убить хотел.

– Хваткая баба...

– Точно. Совсем я приуныл, а тут вызывает меня начальник и говорит, что открывает наша фирма филиал в Петербурге, он меня заставить, конечно, не может переехать, но если я соглашусь, то обещает повышение. И мама тут умерла. Она болела долго, так что я уж к этой мысли привык. Переехал я в ее квартиру, ну, тут хлопоты печальные, то да се. А как зашел к себе забрать кое-что – так и попасть в квартиру не могу, эта стерва замки поменяла. Советовал адвокат перейти к активным действиям – в суд подавать или еще что, да только мне вдруг так противно стало. Собрал кое-какие мелочи на память, документы, фотографии, бывшей своей сказал на прощание: да подавись ты! – и ушел. Утром начальнику согласие дал на переезд сюда. Пока тут все устроилось, мамину квартиру продал, купил двушку в новом доме на Петроградской. Хорошее место, там как раз рядом бабушка жила, я все там помню. Ну и переехал, и эту страницу своей жизни перевернул навсегда.

«А говоришь ты, Лёлик, красиво», – усмехнулась про себя Надежда.

Она приободрилась, поскольку, судя по всему, злоключения Лёлика подходили к концу и можно уже распрощаться, пообещав друг другу звонить и не пропадать. Однако ее собеседник не выглядел радостным. Неужели и тут нашлась женщина, сильно осложнившая ему жизнь? Невезучий какой мужик этот Лёлик. Доверчивый очень и в женщинах ничего не понимает.

Надежда поерзала на месте, прикидывая, как бы распрощаться, не обижая человека.

И тут ее мобильный выдал знакомую мелодию. Муж.

– Да, дорогой... – проворковала она в трубку.

– Надюша, ты понимаешь...

Надежда уже все поняла. Надюшей муж называл ее только в исключительных случаях, когда чувствовал себя виноватым и хотел оправдаться.

Оказалось, что приехали компаньоны из Москвы, которых срочно требуется вести в ресторан. И вообще развлекать. Это называется неформальное общение. Один компаньон был очень приличный человек, и жена симпатичная, ровесница Надежды. Так что если бы приехал он, то муж немедленно вытребовал бы Надежду к себе. Стало быть, приехал другой, тот, который менял жен так часто, что, кажется, и сам в них запутался.

– Так ты сегодня поздно? – спросила Надежда, тщательно следя, чтобы в голосе прозвучало огорчение.

– Да, похоже... – муж не умел притворяться, так что особого огорчения Надежда в его голосе не расслышала. – А ты вообще где? – спохватился он. – Я домой звонил – ты трубку не берешь.

– А я в торговом центре, утюг новый купила, – сказала Надежда самым «хозяйственным» голосом, – уже домой собираюсь.

– Да, а то Бейсик не любит долго быть один...

Рыжий наглый котяра был большой любовью Сан Саныча. Иногда Надежда думала, что он и женился-то на ней из-за кота. Но такое было нечасто.

«Вот и не ходил бы по ресторанам, а вернулся домой пораньше, – подумала Надежда, – раз так за своего кота переживаешь, сам бы его и утешал».

Похоже, что муж все-таки прочитал ее мысли, потому что он попрощался виноватым голосом.

– Ну? – Надежда посмотрела на Лёлика весело. – Закажи мне еще кофе и рассказывай, что у тебя стряслось. Просто не мужчина, а ходячее недоразумение!

Лёлик заказал еще кофе и пирожных, на этот раз любимые Надеждины «Алые паруса», и начал свой рассказ.

За неделю до встречи с Надеждой Михаил Леонов вошел в подъезд своего нового дома. Почти одновременно с ним к подъезду подошла привлекательная молодая женщина с тяжелым пакетом в руке. Михаил поздоровался и придержал для нее дверь.

Он не был знаком с этой женщиной – как вообще не был еще знаком ни с кем в этом доме, куда только что переехал, но руководствовался известным высказыванием Сервантеса: ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость.

Женщина улыбнулась ему и ответила, они вместе подошли к лифту, Михаил нажал кнопку вызова.

Дверь кабины открылась, Михаил пропустил женщину вперед и вошел следом за ней. Теперь он лучше разглядел незнакомку. Ей было, пожалуй, около сорока – тот возраст, в котором некоторые женщины немного блекнут, а другие, наоборот, расцветают, раскрывая свою индивидуальность.

Эта женщина относилась ко второй категории, она выглядела молодой и симпатичной, особенно ее красили большие, широко расставленные глаза янтарного цвета и ямочка на подбородке. Привлекательная, очень привлекательная женщина.

Незнакомка нажала на кнопку седьмого этажа – значит, она живет на этаж выше самого Михаила.

Он нажал на кнопку шестого этажа, двери лифта сомкнулись, но тут же снова разъехались.

– Ну вот, – незнакомка поморщилась, – опять лифт не работает! И вот так почти каждый день!

Она еще раз нажала свою кнопку – но с прежним результатом, то есть без результата.

– Придется пешком идти! – вздохнула женщина и невольно покосилась на свой тяжелый пакет.

– Давайте я вам помогу! – неожиданно для себя предложил Михаил и добавил, чтобы не показаться навязчивым: – Все равно мне почти до того же этажа, что вам.

– Ну что ж, – женщина окинула его внимательным, оценивающим взглядом.

Михаил по-своему оценил этот взгляд и назвал свое имя.

Женщина тоже представилась – ее звали Алина, и она решила, видимо, что ему можно доверить свой пакет.

Михаил взял у нее пакет (он и правда был довольно тяжелый), и они пошли вверх по лестнице.

– Вы говорите, что здесь лифт часто не работает? – проговорил Михаил, чтобы завязать разговор. – Я-то только что сюда переехал и еще не успел набрать статистику.

– Ну, я и сама совсем недавно въехала, но уже третий раз нарываюсь на такую неприятность.

– Хороший дом! Я давно искал что-то подобное – новый, удобная планировка, и притом в моем любимом районе – на Петроградской стороне. Я учился на Петроградке, в электротехническом институте, и очень люблю эти места.

Таким нехитрым приемом Михаил надеялся разговорить Алину, надеялся, что она тоже расскажет что-нибудь о себе, но его надежда не оправдалась – она улыбнулась загадочно, но ничего не ответила.

Кстати, улыбка сделала ее еще привлекательнее.

Ну, нет так нет – наверное, не последний раз встречаются, еще успеют поговорить.

Они как раз проходили мимо его квартиры, и Михаил кивнул на дверь:

– Вот здесь я живу.

– О, я как раз над вами! – отозвалась на этот раз соседка.

Они поднялись еще на один этаж и остановились возле двери ее квартиры. Михаил протянул Алине пакет, улыбнулся:

– Рад был знакомству.

Алина тоже улыбнулась, поблагодарила за помощь и замаялась.

Михаил понял, что она раздумывает, как бы вежливо и ненавязчиво дать ему понять, что в ее планы не входит приглашать его на чашку чая, – и пришел ей на помощь, сказал, что торопится домой, ждет важного звонка. Алина кивнула с явным облегчением, и на этом их первая встреча завершилась.

Снова они встретились через два дня.

Михаил зашел в небольшой антикварный магазинчик, расположенный в соседнем доме. Он не интересовался антиквариатом, но подумал присмотреть что-нибудь в новую квартиру. Какую-нибудь забавную вещь для оживления интерьера.

Дверной колокольчик мелодично звякнул, Михаил вошел – и тут же увидел Алину.

Соседка стояла перед витриной, разглядывая небольшой акварельный портрет.

Увидев этот портрет, Михаил понял причину ее интереса.

Женщина на портрете была удивительно, просто неправдоподобно похожа на саму Алину.

Такие же широко расставленные янтарные глаза, такая же ямочка на подбородке, такие же волосы цвета палой листвы...

Такое сходство не бывает случайным.

Михаил готов был поклясться, что этот портрет написан с Алины. Хотя, пожалуй, нет – женщина на портрете была в блузке с кружевным воротником, какие носили лет сто назад.

– Сколько это стоит? – спросила женщина продавца, лысоватого мужчину лет пятидесяти.

– Двенадцать тысяч.

– Я куплю, – Алина достала из сумочки банковскую карту.

– Извините, но мы принимаем только наличные, – с явным сожалением проговорил продавец.

– Ох... – Алина порылась в своем кошельке. – У меня мало наличных, только шесть тысяч...

– Я вам одолжу недостающие! – неожиданно для себя предложил Михаил.

Алина оглянулась, увидела его, в первый момент не узнала, но потом улыбнулась, отчего очень похорошела:

– Это вы... но мне, честное слово, неудобно...

– Да бросьте вы! – Михаил уже достал из кошелька деньги. – Мы ведь соседи, а соседи должны друг друга выручать! Сегодня я вам помогу, а завтра, может быть, вы мне...

– Ну что ж, большое спасибо! – Алина взяла деньги. – Я вам сейчас же отдам...

Продавец аккуратно упаковал портрет, и они вместе вышли из магазина.

– Я вам сейчас же отдам деньги, – повторила Алиса, подходя к подъезду их дома.

– Да не спешите... это вполне терпит...

– Нет-нет, не люблю быть должна. Только знаете что... – Алина взглянула на него смущенно, – уж одолжаться так одолжаться. Вы не могли бы помочь мне повесить этот портрет?

– Запросто! – Михаил оживился, их знакомство обещало стать гораздо ближе. – Тогда я зайду к себе за дрелью.

– Отлично! А я пока заварю кофе. Или вы предпочитаете чай? У меня есть хороший, китайский.

– Пожалуй, кофе.

Михаил зашел к себе, нашел дрель, подумал, не взять ли бутылку вина – и не взял, решил, что Алина может плохо о нем подумать. Первое впечатление – самое важное.

Поднялся на седьмой этаж, позвонил.

Дверь тут же открылась. Алина стояла на пороге с портретом в руках. Он еще раз удивился, насколько этот портрет похож на нее. Она успела переодеться, была теперь в потертых джинсах и простеньком свитере, отчего вид у нее был домашний и удивительно уютный. Михаил смутился, на какое-то мгновение наступило неловкое молчание, которое он нарушил, проговорив неожиданно севшим голосом:

– Вот... дрель принес...

Алина улыбнулась, пригласила его в квартиру, провела в гостиную и показала простенок между двумя окнами:

– Вот, я бы хотела повесить этот портрет сюда.

– Отлично! – Михаил взял дрель наперевес и направил ее в стенку. – Вот здесь или чуть выше?

Алина показала ему нужное место на стене и сказала, что пойдет варить кофе.

Михаил проводил ее взглядом и приступил к работе.

Просверлил отверстие, забил дюбель, закрутил шуруп, повесил картину. Отступив в сторону, убедился, что она висит ровно, и крикнул в пространство дурашливым голосом, подражая сантехнику из своего прежнего дома:

– Хозяйка! Принимай работу-у!

Из кухни донеслось какое-то невнятное, нечленораздельное бормотание.

Он немного подождал и снова позвал Алину, на этот раз своим обычным голосом.

Когда и на этот раз никто не появился и не ответил, Михаил вышел из гостиной и заглянул на кухню.

Алины там не было, только закипал на столе прозрачный электрический чайник, светящийся синеватым фантастическим светом. Это его бормотание Михаил слышал из гостиной. Чайник закипел, щелкнуло реле, и наступила тишина.

И в этой тишине неожиданно громко зазвонил дверной звонок.

Михаил снова – очень громко – позвал Алину, но она опять не отозвалась. Зато в дверь снова позвонили.

И тут в голову Михаилу пришло простое и логичное объяснение происходящего. Возможно, Алина вышла из квартиры, например, чтобы вынести мусор в мусоропровод, и случайно захлопнула дверь. И сейчас стоит перед дверью и звонит, чтобы он впустил ее.

Объяснение было вполне правдоподобное, Михаил вышел в прихожую и, ничего не спрашивая, открыл дверь.

– Случайно захлопнули? – проговорил он, складывая губы в улыбку...

Улыбка тут же погасла, потому что за дверью стояла не Алина, а какой-то совершенно незнакомый бритоголовый мужчина в черной куртке с капюшоном.

Похоже, что этот мужчина удивился не меньше, чем Михаил. Он оглядел Михаила с ног до головы, после чего спросил низким, гулким голосом:

– Это сорок вторая квартира?

– Нет, это тридцать четвертая... – Михаил машинально назвал номер своей квартиры, но тут же исправил ошибку: – То есть я хотел сказать – тридцать восьмая.

И в доказательство своих слов он показал номер на двери.

– Точно, тридцать восьмая... – прогудел незнакомец и улыбнулся, разведя руками: – Извините, ошибся...

– Бывает... сорок вторая этажом выше... – Михаил закрыл дверь.

Как это часто бывает, перед его глазами еще какое-то время стояло улыбающееся лицо незнакомца. И теперь Михаил понял, что улыбка у него была какая-то фальшивая, ненатуральная. И вообще – странный какой-то человек. Говорит, что ошибся квартирой. Но на двери квартиры имеется номер, его трудно не заметить.

Михаил развернулся и еще раз окликнул Алину – но и сейчас никто не отозвался.

Это показалось ему странным. Более чем странным.

Он обошел всю квартиру, то и дело окликая хозяйку, но ее нигде не было. Ни в спальне, ни в кладовке, ни в ванной, куда Михаил заглянул в смущении.

Это уже не укладывалось ни в какие рамки.

Но что он мог поделать?

Михаил собрал свои вещи, вышел в прихожую, на всякий случай еще раз окликнул Алину и вышел из квартиры. К счастью, замок у нее на двери защелкивался сам.

Михаил вернулся к себе и еще какое-то время размышлял о том, что случилось.

Может быть, Алина решила, что их знакомство стало слишком близким, и решила это пресечь? Ну, так сказала бы об этом прямо! А уйти, оставив в квартире малознакомого человека, – это уже не лезет ни в какие ворота.

«Ну, ладно! – подумал наконец Михаил. – Навязываться я не буду...»

Однако у него в душе осталось какое-то смутное, неопределенное беспокойство.

– Ну? – спросила Надежда, внимательно выслушав этого тюху и недотепу. – И это все? Больше ты ее не видел? И в ту квартиру больше не ходил?

– Ходил... – признался он, – как-то, понимаешь, мне странно все и непонятно.

– Да что тут непонятного, – вздохнула она, – напарили тебя, друг мой. Напарили на шесть тысяч, вот и все. Это, знаешь ли, целый бизнес. Ловят женщины таких вот растяп, которые увидят симпатичную мордашку да ножки и раскиснут. Раньше, мне мать рассказывала, тоже так было. В советское время, когда строить начали и многие в новостройки поехали. Значит, при-

везли люди вещи, то-се, вдруг звонит женщина в домашней одежде и в тапочках. Ах, говорит, простите, извините, я, говорит, соседка с верхнего этажа, зовут, допустим, Валя. Не дадите ли займы пятерку или трешницу, мне с грузчиками никак не рассчитаться. Ну, люди все радостные, что в новую квартиру переехали, отчего соседке не помочь? Вот она соберет так с подъезда рублей тридцать, а то и пятьдесят, а у самой пальто и сапоги на чердаке спрятаны. Оделась – и пошла. Двери все нараспашку, никто никого не знает. А пятьдесят рублей в то время деньги очень даже неплохие были, моя бабушка пенсию сорок восемь рублей получала. Потом, правда, прибавили.

– Так-то оно так... – уныло протянул Лёлик, – думаешь, я уж совсем ничего не соображаю? Но ведь столько усилий – и все из-за такой в общем-то малой суммы! Ну, допустим, у лифта со мной столкнуться – это просто. До квартиры меня довести – тоже легко.

– Еще бы, ты ведь джентльмен, сразу видно, – усмехнулась Надежда, – женщине помочь просто обязан.

– Но ведь она меня в квартиру привела, дверь своим ключом открыла. И для чего было это делать, если шесть тысяч она уже получила? Попрощалась бы вежливо, сказала, что деньги вечером занесет, я бы и ждал ее, как дурак. А тут домой пригласила – и пропала.

– А она не могла на лестницу покурить выйти?

– Да я уж посмотрел, не было там никого. Странно все как-то. Сама меня в квартиру позвала. Если квартира чужая, то как она ключи достала? Такие сложности из-за шести тысяч...

– А шестьдесят ты бы ей и не дал.

– Да у меня столько наличных не было!

– Слушай, Михаил, – Надежда похвалила себя, что вовремя вспомнила его имя, – вот что ты конкретно сейчас хочешь? Ну, простишь ты с этими деньгами, сам говорил, что не такая это сумма, чтобы расстраиваться. Простишь и забудь.

– Ну да, но все же хотелось бы узнать, куда она делась. И вот как теперь выяснить, в ТСЖ спрашивать как-то неудобно... Что я им скажу?

– Не знаешь, что в ТСЖ сказать? – Надежда даже подскочила на месте. – Слушай, да это же так просто, раз эта квартира как раз над тобой. Знаешь что, едем сейчас туда, пока у меня время есть. Чувствую, один ты не справишься! Сколько сейчас времени? Пятый час. Ну так до шести они точно все на месте!

Надежда Николаевна вовсе не была такой уж доброй самаритянкой, и не входило в ее планы помогать всем подряд. В этом случае что-то подсказывало ей, что с Лёликом все не так просто. Если он ничего не прибавил и не придумал, а Надежда с детства знала, что Лёлик не любит врать, то история и вправду несколько странная. И следует в ней разобраться, а то этот рохля так и будет возле верхней квартиры ходить, пока соседи его не заподозрят во всех смертных грехах.

Они вышли из торгового центра, и Лёлик отрыл перед Надеждой дверцу машины. Машина была чистая, дорогая и новая, что, несомненно, говорило в пользу Лёлика.

Правление ТСЖ занимало однокомнатную квартиру на первом этаже. Надежда с Михаилом вошли в нее. Дверь единственной комнаты была приоткрыта, из-за нее доносились возбужденные голоса. Надежда взглянула на дверь и увидела на ней табличку следующего содержания:

«Управляющий ТСЖ – Полубесов Викентий Романович. Бухгалтер ТСЖ
– Выхухолева Нелли Васильевна».

Ниже были указаны часы приема. Точно, сегодня даже не до восемнадцати, а до двадцати вечера.

Надежда вошла в комнату. В этой комнате стояли два письменных стола, за одним из них с тоскливым и недовольным видом сидел полный мужчина средних лет с густыми, начинающими седеть волосами, за другим – приземистая тетенька лет шестидесяти с круглым красным лицом. Не составляло никакого труда определить, кто из них управляющий Полубесов, а кто – бухгалтер Выхухолева.

На столе перед управляющим стоял компьютерный монитор, на который он посматривал одним глазом, перед столом бухгалтера стояла другая женщина, постарше, и тараторила высоким неприятным голосом, который Надежда услышала из коридора:

– И почему мне за лифт плату начислили, когда я на втором этаже живу? Я этим лифтом, может быть, вообще не пользуюсь! И почему мне за двоих начислили?

– Женщина! – пыталась отбиваться от нее бухгалтер. – Такой порядок, что за лифт платят все, независимо от того, на каком этаже проживают. И платят по числу жильцов... у вас зарегистрированы два человека, вот вы и платите за двоих!

– Это неправильный порядок! – не унималась посетительница. – Одно дело, если я на втором этаже живу, и совсем другое – если Кухаркина на одиннадцатом. Опять же у меня прописана племянница, которая почти никогда не ночует, а я за нее плачу, а у Кухаркиной собака не прописана, а она весит больше, чем моя племянница, и ее каждый день на прогулку выводят, и каждый раз – на лифте...

– Женщина, такой порядок! – оборонялась бухгалтер. – За собак платить не положено, а за племянниц – положено... а где она ночует – это мы отслеживать не уполномочены! Это ваше личное дело, за племянницами следить!

– Это неправильный порядок! – повторила жиличка. – Я пенсионер и не могу платить лишние деньги неизвестно за что! Если у Кухаркиной собака на лифте ездит, я это оплачивать не намерена...

В это время управляющий оживился и, взглянув на монитор, проговорил:

– А это не ваш «лексус» номер восемьсот тридцать четыре?

– Мой! – испуганно вскрикнула скандальная жиличка. – А что с ним?

– Да его какой-то джип сейчас протаранит...

Жиличка ахнула, переменялась в лице и вылетела из комнаты.

Надежда тут же выдвинулась на освободившееся место.

– Что у вас? – обратился к ней управляющий.

– Нас соседи сверху регулярно заливают! – выдала Надежда домашнюю заготовку.

– А вы кто такая? – осведомилась бухгалтер, окинув Надежду подозрительным взглядом. – Вы не из нашего ТСЖ, я всех наших собственников в личность знаю!

– Я не из вашего, – охотно подтвердила Надежда. – Лично я в другом доме проживаю, через дорогу...

– Так и идите через дорогу! – моментально отреагировала бухгалтер. – Нам и своих склочников хватает!

– Я-то через дорогу, – не сдалась Надежда, – а вот он в вашем доме проживает... – и она выдвинула вперед смущенного Михаила.

– Что-то я его тоже в личность не узнаю... – засомневалась бухгалтер.

– А я недавно переехал. Квартира тридцать четыре! – сообщил Михаил. – Можете проверить.

– Да, гражданин недавно к нам въехал, – подтвердил управляющий.

– А я – его сестра... двоюродная, – тут же сообщила Надежда. – И по-родственному за квартирой его приглядываю. Пока он по служебной надобности отсутствует. Или еще по какой.

– Это не запрещено, – с кислым видом согласилась бухгалтер.

– Конечно, не запрещено, – одобрила Надежда. – Так вот, я и говорю, что нас постоянно заливают соседи из квартиры сверху. А у нас уже ремонт сделан, очень дорогой. Обои бель-

гийские, паркет испанский, плитка итальянская... ужасных денег, между прочим, все стоило. Одни обои – между прочим, шелкография...

– И чего же вы от меня хотите? – скривилась бухгалтер. – Соседи вас заливают – к ним и обращайтесь...

– А я и хочу к ним обратиться, да только никак не получается. Как я к ним ни поднимусь – никого дома нет. А у вас же должны быть их координаты – телефон и прочее...

– Вы, значит, в тридцать четвертой проживаете... – протянула бухгалтер. – Значит, над вами тридцать восьмая...

Она открыла блокнот и прочитала:

– В тридцать восьмой Козюлины живут... Василий Иванович, Жанна Борисовна и дети...

– Как – Козюлины? – заволновался Михаил. – Там ведь...

Он хотел сказать, что в квартире над ним обитает таинственная Алина, но Надежда незаметно пнула его по ноге, чтобы не испортил ее игру несвоевременным выступлением.

Михаил прикусил язык и обиженно замолк.

– Козюлины... – повторила бухгалтер, читая свои записи. – Только их сейчас нет, Василий Иванович уехал во Владивосток по служебной надобности, и семья с ним. Полгода уже отсутствуют, но за квартиру регулярно платят, тут я к ним претензий не имею.

– И что, в квартире никто не живет? – удивилась Надежда. – Кто же нас тогда заливает?

– Обождите, женщина! – перебила ее бухгалтер. – Куда вы все время торопитесь? Я еще не договорила. Козюлины уехали, но за их квартирой теща присматривает, вот примерно как вы за его квартирой, – она кивнула на Михаила. – И они тещин телефон нам оставили, как раз вот на такой несчастный случай, как у вас. А сама теща приходит когда раз в неделю, а когда и два раза.

– И где эта теща проживает?

– Проживает она недалеко, через дорогу. Может быть, в том же доме, что и вы.

– Звоните теще! – потребовала Надежда.

Бухгалтер еще колебалась, и тогда Надежда пошла напролом:

– Звоните, а то я акт по всей форме составлю и на вас в суд подам за причинение материального и морального ущерба!

– Не надо в суд! – и бухгалтер сняла телефонную трубку.

– Василиса Андреевна! – проговорила она, едва услышала ответ. – Это вам из ТСЖ звонят. Придите к нам, а то тут люди говорят, что вы их заливаете.

– Придет, – сообщила она Надежде, повесив трубку. – Минут через пять придет.

Надежда с Михаилом покинули правление и отправились к подъезду – поджидать тещу господина Козюлина. Михаил выглядел несколько обалдевшим.

– Какие Козюлины, – бормотал он, – какой Василий Иванович, какая Жанна Борисовна, какая теща... а где же Алина?

– В Караганде. – Надежда толкнула его локтем в бок. – Молчи, Лёлик, лучше молчи, если сказать нечего.

– Вот как дам сейчас по шее, – обиделся Лёлик и замолчал.

Долго ждать им не пришлось – через несколько минут к подъезду торопливо подошла женщина, под мышкой у которой была зажата собачка мелкой декоративной породы. Собачка, как и хозяйка, тяжело дышала – то ли от преклонных лет, то ли от неудобного положения.

– Это вы теща из тридцать восьмой квартиры? – строго осведомилась Надежда.

– Ну, допустим, я! – ответила дама с собачкой враждебным тоном.

Собачка тут же яростно залаяла на Надежду – видимо, она считала своим долгом морально поддерживать хозяйку.

– Артурчик, успокойся! – ласково проговорила хозяйка и тут же добавила, бросив на Надежду неодобрительный взгляд: – Он у меня исключительно хорошо в людях разбирается! На хороших людей Артурчик никогда не лает!

– Это он запах моего кота почувствовал, – возразила Надежда.

– Кота?! – с плохо скрытым ужасом переспросила Василиса Андреевна, как будто наличие у Надежды кота добавляло ее характеристике, и без того негативной, черной краски.

– Вообще, вы нас своим кобелем не отвлекайте! – огрызнулась Надежда, полностью войдя в роль. – Мы сюда не затем пришли, чтобы его оскорбительный лай выслушивать! Вы нам лучше свою квартиру предъявите, чтобы установить факт протечки!

– И предъявлю! И непременно предъявлю, потому как никакой протечки нет и даже быть не может, поскольку я за квартирой очень внимательно слежу, а когда ухожу, всю воду перекрываю!

Несмотря на уверенный и даже агрессивный тон, в голосе и взгляде козюлинской тещи сквозил испуг. Надо признать, что она очень боялась протечки или другой коммунальной неприятности.

Когда семейство Козюлиных во главе с Василием Ивановичем отбыло на Дальний Восток, Василиса Андреевна необдуманно согласилась присмотреть за их квартирой. Дело в том, что она ужасно боялась своего зятя и готова была согласиться на что угодно, лишь бы его не рассердить. Кроме того, ее грела мысль, что их с зятем будут разделять необъятные просторы России.

Но теперь боязнь квартирной катастрофы мешала ей спать по ночам, а когда она все же засыпала, ей снились лужи на полу, разбухающий паркет и отваливающиеся лоскутами обои. Больше того, даже когда Василиса Андреевна, как многие женщины ее возраста, усаживалась перед телевизором с чашкой чая и вазочкой шоколадных конфет, чтобы насладиться семейными неурядицами участников очередного ток-шоу, – ей казалось, что они обсуждают не супружескую неверность, а ужасные последствия протечек.

И вот ее самые ужасные опасения претворялись в реальность... Эта женщина утверждала, что ее квартиру заливают... Господи, что с ней сделает зять, когда узнает! Воочию представив его распахнутый в крике рот и звериный рык, раздающийся из этого рта, несчастная теща мысленно схватила за сердце.

Василиса Андреевна вошла в подъезд, вызвала лифт. Все трое втиснулись в кабину. Артур, оказавшись в непосредственной близости от Надежды, снова залаял. Надежда взглянула на него в упор, постаравшись изобразить взгляд, каким ее кот Бейсик смотрел на соседского джек-рассел-терьера. Терьер был глуп и задирист, он перессорился со всеми кошками в округе, пока не встретился с Бейсиком на узкой дорожке. Бейсик даже не стал шипеть и мяукать, он просто вздыбил шерсть, увеличившись в размерах раза в четыре, и пристально посмотрел на несчастного.

Очевидно, у Надежды взгляд получился, потому что Артур тут же замолк и теснее прижался к хозяйке. Его хвостик мелко задрожал от страха.

– Не бойся, Артурчик! – зашебетала Василиса Андреевна. – Мамочка не даст тебя в обиду! А вам, – она покосилась на Надежду, – вам должно быть стыдно!

Надежда сделала над собой большое усилие, чтобы не ответить резкостью. К счастью, в это время лифт подъехал к седьмому этажу и остановился. Хозяйка Артура первой вышла из кабины, достала связку ключей и открыла дверь тридцать восьмой квартиры.

Надежда вошла следом за ней, Михаил с мрачным видом замыкал шествие.

– Ну и где тут протечка? – истеричным тоном воскликнула Василиса Андреевна. – Не вижу я никакой протечки! В квартире полный порядок!

– Вы не спешите с выводами! – отозвалась Надежда, оглядывая прихожую. – Сейчас мы посмотрим в ванной комнате и на кухне, и вот тогда...

– И смотрите! Смотрите, сколько вашей душе угодно! – ворчала хозяйка.

Артур, которого она спустила на пол, бегал по всем углам, однако старался держаться подальше от Надежды.

Надежда направилась в ванную комнату. По пути она обменялась взглядом с Михаилом. Он выглядел как-то странно – удивленно и растерянно. Надежда притормозила, поравнялась с ним и шепотом спросила:

– Что-то не так?

– Все не так! – ответил он таким же страшным шепотом. – Это не та квартира!

– То есть как не та? – опешила Надежда. – Ты же говорил – у нее тридцать восьмая квартира, прямо над твоей!

– Так и есть... – протянул Михаил. – Но здесь все другое! Другая мебель, другие ковры...

– Ну, знаешь...

Василиса Андреевна выглянула из ванной и торжествующим голосом проговорила:

– И здесь ничего нет! Никакой протечки!

– Да что вы говорите? – Надежда заглянула в ванную и даже опустилась на колени, внимательно осмотрев пол. – Может быть, вы воду собрали и пол протерли...

– Вы же видите, все сухо! – повторила хозяйка.

– Сухо и очень пыльно! – проворчала Надежда. – Убирать в квартире нужно...

– А это не ваше дело! – огрызнулась козюлинская теща. – Ваше дело – проверить насчет протечек!

– И проверю! – Надежда поднялась на ноги и бодрым шагом направилась на кухню.

По дороге она притормозила возле двери гостиной, где с потерянным видом стоял Михаил.

– Ну что? – прошептала она озабоченно.

– Все не то! – повторил он.

– А где ты портрет вешал? – задала Надежда пришедший в голову вопрос.

– Вон там, в простенке!

Там, куда показал Михаил, действительно висела картина – точнее, репродукция в деревянной рамке. Неизбежная девочка с персиками. Надежда уважала художника Серова, но эту его картину на дух не выносила. Неизвестно почему, но она пронесла эту ненависть через всю свою жизнь, начиная еще с детского сада, где такая же репродукция висела в игровой комнате. Может быть, там и зародилось это большое и продолжительное чувство.

– Так... значит, эта пакость висит на том самом месте, где ты вчера ввернул шуруп?

– Вроде да...

Надежда решительно пересекла комнату, подошла к стене и сняла репродукцию с гвоздя.

– Смотри, твоя работа? – спросила она Михаила.

Он подошел к ней и растерянno уставился на стену.

– Не тормози! – Надежда привычно ткнула его кулаком в бок. – У нас времени мало, скоро эта тетка нас выпрет!

– Вроде моя. Точно моя, – он потрогал рукой шляпку шурупа.

В это время в комнату забежал Артур и залился оглушительным лаем.

Тут же следом за ним вошла хозяйка. Лицо ее вытянулось, и она скандальным голосом проговорила:

– А что это вы тут делаете? Здесь никаких кранов нет, протекать нечему! А что это вы картину сняли? Может, она дорогая? Может, вы ее украсть хотите?

– Эту дрянь? – Надежда поморщилась. – Да я ее в жизни в своем доме не повешу! Я здесь стенку проверяю – в его квартире на этом месте по стене вода буквально потоком течет, все обои отвалились!

– Ничего не знаю! – Василиса Андреевна мгновенно перешла в глухую оборону. – Здесь никакой воды нет, вы сами видите! Проверяйте на кухне, и если ничего не найдете – отправляйтесь срочно вон из моей квартиры!

– Да ради бога! – Надежда направилась на кухню.

Артур с громким лаем бежал перед ней – он хотел извлечь из происходящего максимум удовольствия. Видимо, он уже привык к запаху кота и смотрел на Надежду без страха.

Войдя на кухню, Надежда подошла к раковине и открыла дверцу, за которой скрывались водопроводные трубы и сифоны. Там же находился мешок для мусора. Мешок был почти пустой, что неудивительно – ведь в этой квартире давно уже никто не жил, только время от времени сюда навещалась Василиса Андреевна.

Надежда вспомнила, как много преступлений и таинственных происшествий было раскрыто при помощи изучения мусора, и потянулась к мешку. Но Артурчик тоже решил, что там может быть что-то интересное, опередил ее и вытащил мешок из-под мойки.

– Отдай! – прикрикнула на него Надежда и попыталась отобрать мешок у собаки. Песик дернул мешок на себя – и мусор рассыпался по полу. Артур выхватил из горки мусора что-то блестящее и отпрыгнул в сторону. Глаза его весело блестели – он рассчитывал, что его ждет увлекательная игра.

Надежда быстро оглядела мусор на полу.

Здесь были очистки яблока, банановая кожура и несколько фантиков от конфет – должно быть, Василиса Андреевна, приходя в квартиру, устраивала здесь небольшой перекус.

Все эти очистки и фантики ничего не давали для расследования загадочного происшествия. Еще среди мусора валялись какие-то скомканные бумажки.

Тогда Надежда взглянула на песика.

Он держал в зубах какой-то маленький блестящий предмет.

Интересно, что это?

Надежда шагнула к песику, протянула руку, но Артур отскочил в сторону. Он считал, что игра только начинается.

Надежда попыталась его догнать, но песик был явно шустрее ее.

Тогда Надежда решила приступить к переговорам.

Она достала из сумки игрушечную мышку, которую купила в подарок своему коту, и показала ее Артуру:

– Давай меняться!

Песик наклонил голову набок, разглядывая мышку. Кажется, она его заинтересовала. Он подошел поближе, положил свою находку на пол и выжидающе взглянул на Надежду.

Надежда протянула ему игрушку – надо же выполнять договоренности, и в это время за спиной у нее прозвучал возмущенный голос Василисы Андреевны:

– Да что же это такое? Что это вы тут устроили? Я в квартире прибираюсь, ровно как крепостная крестьянка, а вы тут нарочно мусор рассыпаете!

Надежда Николаевна молниеносным движением спрятала в сумку выторгованный у Артура предмет, даже не успев его рассмотреть, и проговорила:

– И между прочим, это вовсе не я мусор рассыпала, а ваш драгоценный Артурчик!

– Что? Еще и на собаку вину сваливаете, на этого ангела?

– А вы его сами спросите!

– Он – бессловесное создание! Он не может за себя постоять, а вы этим пользуетесь!

Артур залился радостным лаем, давая понять своей хозяйке, что причастен к происшествию и вовсе не хочет отпираться.

– Вот видите – он подтверждает! – проговорила Надежда.

– Ничего не вижу! – отрезала Василиса Андреевна и добавила, заглянув под мойку: – И протечки никакой не вижу! Здесь все сухо!

Когда она отвернулась, Надежда прихватила с пола скомканные бумажки и также спрятала их в сумку. Артур в это время был занят игрушечной мышью и не обратил внимания на ее подозрительные действия.

– Ну, значит, это не отсюда вода течет, – миролюбиво проговорила Надежда, которая решила, что пора покинуть квартиру Козюлиных. – Наверное, где-то внутри стены труба лопнула или соединение разошлось. Придется сантехника вызывать, пускай разбирается!

Она вышла в прихожую, подхватила под руку растерянного Михаила и повела его к выходу.

Василиса Андреевна закрыла за ними дверь, испытывая двойственное чувство: с одной стороны, протечки не оказалось, и это хорошо, с другой стороны – что это за странная женщина к ней приходила и чего она на самом деле хотела?

Выйдя из квартиры Козюлиных и спустившись на этаж, Надежда повернулась к Михаилу и спросила:

– Так что ты имел в виду, когда сказал, что это не та квартира?

– То и имел – квартира действительно не та... не та, в которой я был с Алиной.

– Но планировка такая же?

– Такая же... – кивнул Михаил, доставая ключи и отпирая дверь своей квартиры. – Планировка точно такая же. Она и не может быть другой – у нас на каждом этаже только одна двухкомнатная квартира, еще одна трехкомнатная и две однокомнатные.

– Хорошо... а что тогда не так?

– Там, где я был вчера, не было дивана, стояли только два кожаных кресла и столик журнальный. И телевизор там был плазменный, а здесь ящик допотопный...

– Ты уверен?

– Еще бы! Я же все это своими глазами видел!

– Хорошо... а кухня вчера тоже была другая?

– Вот насчет кухни не скажу. Я ее мельком видел, особенно не присматривался. И вообще – кухня, она и есть кухня. Холодильник, шкафчики, плита...

– Ну, не скажи. Холодильник и тот бывает разного цвета, я уж не говорю про шкафчики.

– Ну, не помню я! По мне, кухня как кухня, и вообще, мне тогда не до того было!

– Но гостиную-то ты запомнил!

– Конечно, я же там долго сидел, пока ее дожидался. Успел все разглядеть.

За разговором Надежда разделась и обошла квартиру Лёлика. Квартира ей понравилась – все чисто, красиво, ремонт сделан со вкусом, мягкая мебель в гостиную цвета топлёных сливок, оригинальная люстра, не было только занавесок на окнах.

– Уже заказаны, – Михаил верно угадал ее взгляд, – через месяц будут готовы.

– Хороший у тебя дизайнер, – сказала Надежда, осмотрев еще и кухню, – неплохо поработал.

– Не было дизайнера, я все сам спроектировал, – в голосе Михаила прозвучала законная гордость.

– Да что ты?

Мелькнула у Надежды мысль, что Лёлик просто обычный зануда, из тех, которые вечно следят за порядком и выставляют в буфете чашки ручками в одну сторону, оттого и жены его бросали, но она отмахнулась от этой мысли, как от несвоевременной.

– Ну вот что! – Надежда уселась на диван цвета топлёных сливок. – Давай говорить серьезно. Что это за хрень с квартирой наверху? Ты уверен, что ты там был?

– Я уже ни в чем не уверен... – Михаил сел напротив и склонил голову. – Надя, я же не пьяный был! И не уколотый! Я, если хочешь знать, вообще не пью!

– В завязке, что ли? – прищурилась Надежда.

Это предположение могло бы многое объяснить.

– Да с чего ты взяла? То есть могу, конечно, выпить вина хорошего, в хорошей же компании и под приятный разговор, но один вечерами не надираюсь.

– Верю... – пробормотала Надежда, но, очевидно, в голосе ее уверенности не было.

– Слушай, ты что, считаешь, что я все выдумал? Что мне уже от одиночества и неустроенной личной жизни загадочные женщины мерещатся?

Честно говоря, именно так Надежда и подумала. В самом деле, не виделись они с Лёликом приблизительно лет сорок, что с того, что дружили в детстве? Хотя, как показывает ее большой жизненный опыт, люди со временем не меняются. И если вдруг через много лет открываются в школьном приятеле малосимпатичные черты, стало быть, раньше просто этого никто не заметил.

Но, с другой стороны, Лёлик в детстве был парень хороший, Надежда точно знает. Добрый, честный, а что драться не умел, так это как посмотреть, возможно, это не недостаток, а достоинство. Витька вон Капитонов вечно со всеми собачился и дрался, так где теперь тот Витька-то? И кости небось давно сгнили.

Так что нужно довериться своей интуиции. А интуиция подсказывала Надежде, что что-то тут есть интересное.

Надежда Николаевна Лебедева обожала разгадывать загадки. Причем обязательно криминальные. Хорошо бы какое-нибудь убийство... Тут уж Надежда была как рыба в воде, ее голова была просто настроена на криминал.

Так уж повелось, что с друзьями и знакомыми Надежды часто случались какие-то истории, и она со страстью бросалась им помогать. Даже если ее об этом не просили, как говорил ехидно ее муж Сан Саныч, который этой Надеждиной страсти очень не одобрял и даже пару раз здорово с ней по этому поводу поскандальил. Так что в свое время Надежда приняла мудрое решение не рассказывать мужу о своих криминальных расследованиях и неуклонно этому решению следовала. И всем знакомым строго-настрого наказала молчать в тряпочку, с угрозой разругаться насмерть, если кто-то проболтается мужу.

В данном случае вполне возможно, что история Лёлика объясняется вполне правдоподобно, что нет в ней никакого криминала, тогда Надежда просто поможет старому другу обрести себя. Что он одинок и неприкаян, видно сразу.

Михаил, видя, что Надежда медлит с ответом, поник головой, вздохнул, затем встал и вышел из комнаты. А когда вернулся, положил перед Надеждой пластмассовую коробочку с шурупами. На коробочке было написано по-иностранному, шурупчики были красивые, с золотистой шляпкой.

– Вот, смотри! Я люблю сам руками что-то делать. Инструменты у меня хорошие, а эти шурупы я в Испании купил. Видишь, с латунной шляпкой. У нас таких не бывает никогда. При всем желании не достанешь. Так что там, в той квартире, – Михаил показал глазами вверх, – точно мой шуруп.

Надежда вспомнила своего мужа, который тоже умеет все делать руками и любит хорошие инструменты, и согласилась, что Михаил не мог ошибиться.

– Значит, в той квартире три дня назад ты был.

– Ну да, только там все другое было... Мебель, ковры, вся обстановка...

– А вместо красотки Алины теща Василиса Андреевна...

Надежда вытряхнула из сумки на диван блестящий предмет, который ей удалось выменять у песика на игрушечную мышь. Предмет был небольшой, какая-то металлическая полусфера, хитро закрученная.

– Вот что это такое?

– Слушай, это серьга, – сказал Михаил, повертев Надеждину находку в руках, – вот дужка отломанная. Оттого ее и выбросили, что носить нельзя.

– Ладно, пока мы ее оставим, – Надежда вытащила из сумки два комочка бумаги. Один оказался скомканной салфеткой, на которой были видны следы губной помады, а второй – небольшим листочком из отрывного блокнота, где были какие-то непонятные цифры.

Надежда развернула салфетку, и по комнате сразу поплыл аромат духов.

– О! – Надежда втянула воздух и помахала перед лицом рукой, как делают в парфюмерном магазине, чтобы почувствовать аромат. – А я знаю эти духи. Это французская фирма «Амуаж», а духи называются «Флёр Наркотик». Не подумай плохого. И я тебе скажу, что они довольно дорогие. Даже очень. Так что я в магазине только понюхала и решила это дело оставить, ни к чему мужа в такой расход вводить. Я к чему веду-то? Запах совсем свежий, вряд ли Василиса Андреевна пользуется такими духами. А дочери ее уже полгода нет. Ты скажи, знаком тебе этот запах? От твоей Алины так же пахло?

– Она не моя, – поспешно откrestился Михаил, – а вообще-то я не помню. И потом, не в таких мы с ней отношениях были, чтобы я духи унюхал!

Надежда заметила, как сердито блеснули его глаза, и голос был раздраженный. А тогда какого черта он всю эту историю замутил? Не из-за шести же тысяч, в самом деле...

– Резковат немножко запах для блондинки. Она ведь золотистая блондинка, так?

– У нее волосы... цвета палой листвы...

– Обалдеть! Надо же, как романтично! Тогда, пожалуй, этот запах ей подходит. Идем дальше, – Надежда внимательно осмотрела следы помады.

– Ну-ка, гляди – такая помада?

– А разве у нее на губах помада была?..

– Тьфу! – Надежда вскочила с дивана. – Эти мужчины просто какой-то кошмар! Ничего не видят, ничего не помнят, ничего не замечают! Разве так можно? Ну ладно, проехали, будем считать, что помада ее, из чего следует, что в той квартире эта женщина была, так что тебе ничего не привиделось.

– Вот, я же говорил, что я не сумасшедший! – обрадовался Михаил. – Уф, полегчало, а то я думал – и правда глюки начались, пора к врачам обращаться.

– Ну что ж, продолжим! – Надежда взялась за другую бумажку.

– Что ты собираешься делать?

– Как – что? Продолжать поиски твоей Алины.

– Она не моя, – нахмурился Михаил, – понимаешь... как бы это сказать... она ведь не просила, чтобы ее искали. В конце концов, пропала и пропала. Мы же с ней совсем не были знакомы. Ну, бог с ними, с деньгами, я не обеднею... И мне кажется, что нужно оставить все как есть. Ты... мы так активно взялись за поиски, а...

– То есть ты хочешь сказать, – мгновенно вскипела Надежда, – что я лезу не в свое дело? Что берусь за то, о чем меня не просят? Что тебе вовсе не нужно помогать?

– Ну... я не это хотел сказать. Я очень рад, что мы встретились, но эту историю постараюсь забыть.

– И начать новую жизнь, – усмехнулась Надежда, – с чистого листа. Ой, Лёлик, ну до чего же ты предсказуем!

– Вот как дам сейчас по шее... – привычно начал он, но махнул рукой и отвернулся.

– А скажи, пожалуйста, дорогой мой, – спросила Надежда вкрадчиво, – тебя не настораживает тот факт, что познакомилась с тобой эта Алина, или как там ее зовут на самом деле, с какой-то целью?

– С какой целью? – оторопел Михаил. – Кому я нужен-то, ничего у меня ценного нет, и сведений секретных сообщить не могу, знать ничего не знаю!

– Вот именно, – кротно согласилась Надежда. – И я о том же. Для чего ты понадобился такой женщине, как она? Денег у тебя, сам мне говорил, негусто, зарплата наемного работника, из имущества – вот эта квартира да машина, внешность самая обыкновенная... хороший ты,

конечно, человек, но, как говорилось в одном старом фильме, не сокол. Ой, не орел! Ладно бы нищая приезжая девчонка в тебя вцепилась, но такая женщина, как эта Алина, – вряд ли.

Разумеется, он обиделся. Надулся и смотрел исподлобья.

– Да включи ты мозги, наконец! – втолковывала Надежда. – Ведь все ваши случайные встречи подстроены были заранее! И у лифта, и в антикварном магазине!

– Да я туда случайно зашел...

– Да ладно, – отмахнулась Надежда, – все ее приемы совершенно очевидны. Для чего-то ей нужно было тебя в ту квартиру заманить. А потом все пошло у нее не так.

– Ты думаешь? Ну, тогда давай дальше расследовать.

«То-то же», – подумала Надежда, но вслух ничего не сказала, чтобы Михаил снова не обиделся.

Она осторожно разгладила бумажный комочек, стараясь не порвать его. Ее ждала большая удача – на разглаженной бумажке были вполне разборчиво записаны четыре цепочки цифр, которые она идентифицировала, как четыре телефонных номера.

– Удачно... – пробормотала Надежда и, не теряя времени, набрала первый из четырех номеров.

На этот раз удача ей изменила.

Равнодушный механический голос сообщил ей, что телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Надежда не огорчилась и набрала второй номер.

Тут ей повезло несколько больше. Из трубки полилась приятная мелодия – оркестровая обработка песни «Битлз» «Yesterday». Надежда Николаевна заслушалась – в юности это была ее любимая композиция. Наконец музыка прервалась, и задумчивый (хотя тоже механический) голос проговорил:

– Вы позвонили в фирму «Волшебный переезд». Мы за самое короткое время перевезем ваши вещи на новую квартиру или на дачу, в новый офис или на склад и по дороге ничего не потеряем и не попортим! Если вы хотите заказать перевозку вещей – нажмите цифру «один», если хотите предъявить претензии – нажмите цифру «два», в остальных случаях дождитесь ответа оператора.

Надежда решила, что лучше дождаться ответа, а заодно подумать, какой вопрос задать оператору.

Из трубки снова полилась чудесная мелодия, под которую Надежде хорошо думалось.

Итак, она выяснила, что один из номеров на листочке принадлежит фирме, занимающейся перевозкой мебели. Это объясняло внезапное исчезновение из таинственной квартиры одной мебели и появление там совсем другой. Значит, Михаил ничего не перепутал и не сошел с ума. Хорошо бы теперь выяснить, кто и зачем организовал такую странную рокировку...

Мелодия прервалась, и из трубки снова донесся голос – на этот раз живой.

– Добрый день. Меня зовут Анастасия. Ваш звонок очень важен для нас. Чем я могу вам помочь?

– Девушка, милая! – затараторила Надежда. – Третьего дня ваша фирма перевозила мои вещи с улицы Подковырова... это на Петроградской стороне... Подковырова, дом семнадцать, квартира тридцать восемь!

– У вас какие-то претензии? – беспокоилась Анастасия.

– Нет, не то чтобы претензии... – продолжала Надежда, – перевезли все хорошо, аккуратно и быстро, но только меня дома не было, ваших людей невестка моя встречала, и она не проверила ящики. А там, в одном ящике, была одна вещь, для меня очень ценная, так вот я хотела бы узнать...

– Одну минуточку! – перебила Надежду девушка. – У вас что-то пропало? Что-то ценное? Тогда вам нужно лично приехать, по телефону мы такие претензии не принимаем!

– Не то чтобы ценное! – перебила ее Надежда. – То есть ценное, но только для меня. Это фотография моей бабушки. Для постороннего человека это совсем не ценность, а для меня очень даже. Поскольку это была моя любимая бабушка. И очень хорошая фотография. Понимаете, если бы я сама встречала ваших людей, я бы проверила, а невестка у меня – она такая безответственная... так вот, я хотела поговорить с теми людьми, которые перевозили мои вещи...

– Одну минуточку! – снова перебила Надежду Анастасия, у которой, видимо, уже закружилась голова от Надеждиной болтовни. – Назовите, пожалуйста, фамилию. Я ее, кажется, не расслышала. Я посмотрю в компьютере...

– Фамилию? Мою фамилию? – переспросила Надежда. – Моя лично фамилия Цыпленкина...

– На такую фамилию заказа нет, – голос девушки стал более настороженным.

– Понятно, что нет! – снова затараторила Надежда. – Само собой, что нет! Я же вам сказала, девушка, что ваших людей встречала не я, их встречала моя невестка, она же и заказ оформляла, само собой, на свою фамилию...

– Фамилия! – уже с плохо скрываемым раздражением проговорила Анастасия.

– Так я же сказала вам, девушка, что моя фамилия Цыпленкина... вы меня, наверное, плохо слушали!

– Я вас очень хорошо слушала! Это вы меня, наверное, плохо слушаете! Мне ваша фамилия не нужна, она мне неинтересна, потому что к делу не относится. Мне нужна фамилия вашей невестки. То есть того человека, который делал заказ...

– Невестки? – протянула Надежда. – А вот ее фамилию я как раз не знаю...

– Как же так? – измученным голосом проговорила Анастасия. – Ведь невестка – это жена вашего сына, правильно? Как же вы ее фамилию не знаете?

– Очень даже просто, девушка! Мой сын, дуралей, женился на женщине с прошлым...

– С прошлым? Что вы имеете в виду?

– По-моему, понятно, что я имею. Женщина с прошлым – то есть она уже была раньше замужем, и даже не один раз, и оставила фамилию второго мужа... или даже первого... нет, все-таки второго. А мой дуралей ее сразу прописал. Я ему говорила, чтобы он этого не делал, а он все равно ее прописал... главное дело, что он ее прописал под фамилией первого мужа, а потом она фамилию поменяла и взяла свою девичью... или нет, прописал он ее под девичьей, а она взяла фамилию второго мужа... или наоборот, как раз первого...

Тут Надежда прикрыла трубку рукой и сделала страшные глаза, потому что Михаил рядом буквально давился от смеха.

– Не понимаю... – сказали в трубке.

– А чего тут не понять? Она, значит, будет фамилии менять, как перчатки, а мне их все запоминать? Я вот тоже ношу фамилию второго мужа, Цыпленкин – это мой второй муж был, а сын у меня на фамилии первого мужа, а первый муж у меня был, наоборот, Кошечкин, так что теперь сын на его фамилии...

– Знаете, женщина, вы меня совсем запутали! – перебила ее Анастасия. – Вообще, такие вопросы мы по телефону не решаем. Тем более вы даже фамилии заказчика не знаете. Приезжайте сюда, идите в отдел претензий и с ними все выясняйте.

– Приехать? – засомневалась Надежда. – А у меня суп на плите... между прочим, суп из цветной капусты, очень вкусный, могу вам рецепт дать...

– Не нужен мне ваш рецепт! Мне работать нужно! Мне, может быть, другие клиенты звонят, а я с вами разговариваю!

– Я тоже клиент... а по телефону никак нельзя?

– Нельзя! – мстительно проговорила Анастасия. – Такой у нас порядок. Я и так пошла вам навстречу, но вы меня своими фамилиями совершенно запутали.

– Ну ладно, я суп сниму, потом доварю! Вы только мне скажите, девушка, куда ехать, какой у вас адрес.

Анастасия продиктовала ей адрес своей фирмы и с явным облегчением отключилась от разговора.

Надежда тоже убрала трубку.

– Что ж, – проговорила она, – хоть и жалко времени, все же придется съездить в эту фирму. Тем более что при личном контакте всегда можно разузнать гораздо больше, чем по телефону.

– Ну, Надя, ты даешь! – Михаил вытирал слезы, выступившие от смеха. – Ну, ты прямо артистка! Цыпленкина – ну надо же!

– Чего не сделаешь для пользы дела, – скромно улыбнулась Надежда и набрала следующий номер в списке.

Она привыкла проверять все. На этот раз в трубке раздавались длинные гудки, потом телефон отключился. Зато повезло с последним номером, там отозвались сразу.

– Фирма «Каретников»! – произнес слегка запыхавшийся мужской голос. – Перевозка мебели в пределах города и области! Гарантия качества и низкие цены!

Надежда пробурчала что-то неразборчивое и повесила трубку.

– Еще одна фирма по перевозке мебели? – удивился Михаил. – Зачем нужна вторая?

– А ты как думал? Им ведь нужно было два раза туда-сюда мебель из той квартиры возить, так и обратились к другой фирме, чтобы никто ничего подозрительного не заметил.

Надежда уже искала в телефоне адрес фирмы «Каретников». Судя по всему, фирмочка была небольшая, сайта приличного у нее не было, но адрес Надежда нашла.

– О, тут и недалеко совсем.

– Да тебе зачем туда?

– Затем, – веско сказала Надежда, – что туда пойдешь ты. А я в машине подожду. Ответил нам мужской голос, вот и поговоришь с ним как мужчина с женщиной, скажешь, что у тебя жена-стерва мебель вывезла, и попросишь у него адрес склада. Притворись получше, он проникнется, вы, мужики, вечно друг другу на жен жалуетесь.

– Да я не смогу... – испугался Михаил.

– Но попробовать-то можно! Давай поехали, пока они не закрылись! Время не ждет!

И Надежда устремилась в прихожую. Михаил тоскливо посмотрел ей вслед и тяжело вздохнул. Он так радовался, когда ее встретил! Так может, зря...

Фирма «Каретников» располагалась в нижнем этаже обычного девятиэтажного дома. Вывеска была незаметная, так что если бы не дед с палками для скандинавской ходьбы, который бодро вышагивал по дорожке, Михаил проехал бы мимо.

Припарковавшись чуть в стороне, он снова тяжело вздохнул и, понукаемый Надеждой, отправился к двери фирмы. Сквозь зарешеченное окошко пробивался слабый свет, стало быть, кто-то в офисе еще был.

Михаил робко открыл дверь. Офис представлял собой небольшое помещение, которое даже не старались переделать из обычной однокомнатной квартиры. В комнате было два стола и шкаф для бумаг. Один стол был пуст, за вторым сидел озабоченный мужчина с залысинами на висках. Одет мужчина был в несвежий джемпер с пятном на воротнике, так что будь на месте Михаила Надежда, она бы тотчас выставила мужчине за внешний вид троечку. В самом деле, что подумает клиент, увидев в офисе такого человека? Правильно, что дела у фирмы идут так себе, ни шатко ни валко, и не лучше ли обратиться в другое место?

С другой стороны, Надежда тут же определила бы, что никакая жена не выпустит мужчину на работу в таком виде – мало джемпера, так он еще и небрит, и под глазами набрякли мешки. И вообще, время восьмой час, а он в офисе сидит, домой не торопится. Стало быть, никто его дома с ужином не ждет и телефон не обрывает – где ты, скоро ли, а то все стынет...

А это значит, что жены у него либо вовсе нет, либо отношения очень плохие, на грани развода. Тогда у Михаила есть шанс найти понимание.

Михаил ничего этого, конечно, не заметил, он поздоровался и сел на шаткий стул.

– Слушаю вас, – мужчина поднял голову и посмотрел на Михаила устало. – Вы хотите заказ сделать? Так у меня приемщица ушла уже. А я вот тут бабки подбиваю.

Опять-таки, если бы была тут Надежда, она бы мигом сообразила, что в конце дня итоги подбивать – это работа бухгалтера. А если сам хозяин таким делом занят – стало быть, бухгалтер приходит два раза в неделю, по совместительству работает.

– Да я не по этому вопросу... – вздохнул Михаил и помянул в мыслях Надежду недобрым словом. Вот уж травмила она его в историю!

Как всякий мужчина, он уже и забыл, что это сам все рассказал и вроде бы даже попросил помощи.

– У вас претензия, – вздохнул хозяин фирмы, – ну, излагайте.

– Да не претензия у меня, а просьба! – решился Михаил. – Точнее, не просьба, а крик души.

Мужчина нахмурился и посмотрел настороженно.

– Понимаешь, друг, – Михаил решился, – ваша фирма мебель вывозила третьего дня с улицы Подковырова.

– Ну... – хозяин пробежался пальцами по клавиатуре компьютера, – вот, есть, Подковырова, семнадцать...

– Квартира тридцать восемь, – подсказал Михаил и горько вздохнул, – прямо не знаю, как сказать.

– Говори прямо, – посоветовал хозяин.

– Так это жена моя бывшая всю мебель вывезла, зараза! – Михаил вспомнил свою бывшую и тут же озверел. – Представляешь, квартира моя, и мебель эта вся на мои деньги куплена; когда разводились, я ей деньгами все выплатил, так она... В общем, я в командировке был, приезжаю – мама дорогая! Квартира пустая стоит, один коврик в прихожей валяется. – Я – бывшей звонить, а она трубку не берет, а по квартирному телефону теща нахально отвечает, чтобы я ее дочку оставил в покое, потому как она со мной и так намучилась за четыре года и теперь здоровье ее пошатнулось. Да их обеих об асфальт не расшибешь!

Тут Михаил остановился, чтобы перевести дух и увидел в глазах хозяина фирмы неподдельное сочувствие.

– Понимаю тебя... – протянул хозяин, – только от меня-то ты чего хочешь?

– Так ты скажи только, куда вы мебель отвезли! – очень натурально простонал Михаил. – А то они ведь не признаются совсем. И главное, мебель эта бывшей моей не нужна совсем, сама же говорила, что ей ничего не нравится. А так я что-нибудь придумаю... Помоги, друг, я развелся – думал, заживу наконец по-человечески, а какая жизнь без мебели? И главное, я ведь этой стерве большие деньги выплатил...

– Ладно, – хозяин смотрел в компьютер, – фамилия ее как?

– Леонов я, и она... – тут Михаил понял, что проговорился и сейчас его выпрут отсюда на счет раз.

– Нет тут Леоновой, написано Иванова... – хозяин смотрел с подозрением.

– Так это же теща! – заволновался Михаил. – Стало быть, это она все задумала! Это она Иванова Анна Ивановна!

– Тут написано Иванова А. В.

– Я же и говорю – Анна Валерьяновна...

– Ладно, – хозяину, видно, надоел пустой разговор, – значит, склад находится на Обводном канале, напротив бывшей чулочно-носочной фабрики. Там теперь лофт, так и называется «Носок».

– Спасибо, друг! Век не забуду!

– Номер бокса шестьдесят шесть! А как уж ты там разберешься, мне без разницы. Только фирму не упоминай.

– Ясень пень! – и Михаил поскорее выскочил из офиса.

Надежда изнывала в машине и приятно удивилась, когда Лёлик рапортовал, что задача выполнена.

– Какой ты молодец! – она знала, что мужчин следует почаще хвалить.

– Твоя школа, – улыбнулся он.

На склад условились ехать завтра пораньше, Михаил сказал, что ему с утра на работу не надо.

Муж вернулся поздно, усталый и выпивший, Надежда сделала вид, что спит, так что муж жаловался на жизнь только коту. Утром же муж встал пораньше, потому что на работе были важные дела, отказался даже от кофе и ушел. Ничего, кофе ему и секретарша подаст...

Перед въездом на территорию склада стояла стеклянная будка, в которой сидел мужчина средних лет в униформе охранника. Строго взглянув на Михаила, он спросил:

– Куда?

– На склад, – ответил Михаил неуверенно.

– Ясно, что на склад, а не на стадион! – проговорил охранник. – Я спрашиваю, в какой сектор и на каком основании?

– На основании? На каком еще основании? Какое еще нужно основание?

– Известно какое! У вас бумаги должны быть насчет аренды и ключи от бокса...

– Вы понимаете, у меня жена вещи вывезла... – начал Михаил, – мы с ней разводимся...

– Мне эти ваши разборки неинтересны! – оборвал его охранник. – Вы мне документ предъявите!

– Помолчи! – шепнула Надежда своему спутнику, перегнулась через него и спросила охранника:

– А где у вас контора? Где можно оформить аренду?

– А это вон там! – охранник показал на двухэтажное здание, расположенное в ста метрах от ворот склада.

– Вот мы туда и поедem! – и Надежда выразительно взглянула на своего спутника.

Михаил удивленно взглянул на нее, но спорить не стал. Он подъехал к зданию конторы и припарковал машину. Только тогда он спросил Надежду, что она собирается делать.

– Я же сказала – нам нужно арендовать бокс на этом складе. Просто необходимо.

– Зачем?

– Не тормози! Если мы арендуем бокс, у нас будет законное право проникнуть на склад, и мы сможем обследовать другой бокс – тот, в который перевезли вещи из квартиры.

– Как-то все сложно... – протянул Михаил.

– Просто только кошки родятся! – ответила ему Надежда детской поговоркой.

Войдя в контору, они нашли отдел, который занимался краткосрочной арендой боксов.

В кабинете, куда они попали, за обширным письменным столом сидел мужчина средних лет очень маленького роста, с маленькими, как у ребенка, ручками и ножками.

– Слушаю вас! – проговорил он неожиданно низким, внушительным голосом.

– Нам бы бокс у вас арендовать, – начала Надежда, – небольшой такой бокс... мы, понимаете, уезжаем надолго, и нужно на это время вещи складировать...

– Нет проблем! – мужчина пощелкал по клавиатуре компьютера и предложил:
– Вот, пожалуйста, бокс номер двадцать два. Десять квадратных метров...
– Двадцать два? – ужаснулась Надежда. – Нет, это нам никак не подходит!
– Отчего же? Очень хороший бокс... близко к воротам... стопроцентная гарантия сохранности...

– Я не сомневаюсь в сохранности. Но мне этот номер не нравится. Понимаете, я двадцать второго числа вышла замуж за своего первого мужа. Это была роковая ошибка. Весь наш брак был одной сплошной ошибкой! Мой первый муж был ужасный человек... я до сих пор не могу вспомнить его без содрогания... поэтому двадцать два – мое несчастливое число, и я его всячески избегаю!

– Ну, хорошо... клиент всегда прав... хотите – бокс номер сто восемнадцать, он тоже свободен. Правда, он подальше от ворот, но тоже очень хороший.

– Сто восемнадцать? – Надежда заметно побледнела. – Нет, только не сто восемнадцать! Однажды в автобусе сто восемнадцатого маршрута у меня вытащили кошелек, а в кошельке был очень важный документ, у меня из-за этого большие неприятности случились... нет, сто восемнадцать – это тоже несчастливое число!

– Ну, я прямо не знаю, что вам еще предложить... вот, есть бокс номер семьдесят два...

– Семьдесят два? – Надежда ахнула и попятилась к дверям.

– Что – это тоже несчастливое число? – удивленно проговорил клерк.

– Не просто несчастливое! Это ужасное число! Представляете – в семьдесят второй квартире жила моя вторая свекровь! Сколько нервов она мне испортила...

– Ну, я просто не знаю, что вам предложить! Похоже, у вас все числа несчастливые! Ну вот, выбирайте сами, вот список свободных боксов! – и он повернул к ней экран компьютера.

– Вот спасибо... вот замечательно... – Надежда уставилась на экран, долго его разглядывала и наконец ткнула пальцем в один из номеров. – Можно вот этот?

– Пожалуйста... – в голосе клерка прозвучало облегчение, – желание клиента для нас – закон!

Клерк выписал квитанцию и протянул Надежде плоский ключ от бокса.

– И что это было? – проговорил Михаил, едва они вышли из кабинета.

– О чем это ты? – с невинным видом переспросила Надежда.

– Что за цирк ты там устроила? Первый муж, вторая свекровь... автобус сто восемнадцатого маршрута...

– Ах, ты об этом! Просто я хотела получить ключи от вполне конкретного бокса. А если бы я это прямо сказала – клерк мог что-нибудь заподозрить.

– От конкретного бокса? От какого же? Я думал, нам все равно, какой бокс, лишь бы попасть на склад...

– Ну, все равно – но не совсем... – загадочно ответила Надежда. – Вот какой номер я хотела получить! – и она показала Михаилу ключ, на котором был выбит номер девяносто девять.

Михаил пожал плечами. Он давно уже перестал понимать женскую логику. Точнее, никогда и не понимал. А тем более – Надежду. У этой женщины в голове столько всего...

Они оставили машину возле конторы и снова подошли к будке охранника. На этот раз Надежда предъявила квитанцию об аренде и ключ от бокса, и охранник без слов пропустил их. Пройдя через ворота, Михаил повернул направо.

– Куда ты? – остановила его Надежда.

– К девяносто девятому боксу... мы же его арендовали...

– Но нужен-то нам совсем другой – шестьдесят шестой!

– Ах, ну да! – Михаил смущенно улыбнулся и хлопнул себя по лбу.

Они свернули налево и скоро нашли бокс с нужным номером.

Остановившись возле двери, Михаил наморщил лоб:

– Ну вот, мы нашли этот бокс, но как сюда попасть? Ключа-то у нас нет!

– А я на что?

Надежда не зря уже несколько лет занималась любительскими детективными расследованиями. Все это время она с интересом смотрела детективные фильмы и сериалы, надеясь найти в них что-то полезное для своих занятий. Герои (и героини) этих фильмов запросто открывали замки при помощи двух шпилек.

Вспомнив эти эпизоды, Надежда достала из своей сумки две шпильки, вставила одну из них в замочную скважину, а второй принялась прокручивать шпенечки внутри замка. Именно так действовали те самые герои (а также героини) детективных фильмов. Поначалу ничего не получалось, но Надежда Николаевна была женщиной упорной и настойчивой.

Михаил топтался рядом и, как все мужчины, давал неквалифицированные советы, так что она в конце концов рывкнула, чтобы лучше стоял на стреме, а то как бы охрана не подошла. Провозилась она довольно долго, но в конце концов замок все же открылся с негромким щелчком.

«Оказывается, это и правда несложно! – подумала Надежда. – Или здесь такой замок примитивный... надо же, а люди доверяют таким замкам свое имущество! Если даже я, малоопытная женщина, и то сумела, то что уж говорить о настоящих ворах. Нет, я этим складом пользоваться не стану и всем знакомым отсоветую...»

Тем не менее она с гордостью взглянула на Михаила, как будто каждый день открывала замки без ключей.

– Да, слышал я о тебе всякие разговоры, – удивленно проговорил он, – но, честно говоря, не верил.

– Что-о? – Надежда Николаевна мгновенно стала похожа на взъерошенную кошку. – Что это ты мог обо мне слышать, если мы не виделись сорок лет?

– Да я... – Михаил даже попятился.

– Немедленно говори!

– Понимаешь, как-то, года два назад, встретил я в Москве Таньку Короткову, помнишь, в соседнем подъезде жила? Толстая такая, еще шляпа у нее была в клеточку...

Таньку Короткову Надежда прекрасно помнила. Они с Танькой учились в первом классе и ходили в кружок мягкой игрушки. Потом Надя с родителями переехали, но с Танькой отношения поддерживали. А после школы Танька скоропалительно вышла замуж за моряка и надолго пропала. И объявилась лет через двадцать в Москве. Но время от времени приезжала в наш город к родителям, встречались они и с Надеждой, которая и знать не знала, что Танька в курсе ее особой любви к расследованию преступлений. Ну надо же, оказывается, она мало того что все знала, так еще и посторонним людям про это разбалтывает! Ну, Танька, дожدهшься ты у меня...

– Думал – это выдумки, сплетни... – тянул свое Лёлик.

– И правильно делал, что не верил! – Надежда открыла дверь бокса и пропустила Михаила вперед.

Он вошел в бокс, включил свет и огляделся.

– Ну вот, теперь я хоть уверен, что не сошел с ума! – проговорил он удовлетворенно. – Именно эта мебель стояла в квартире Алины, когда я туда попал! Вот только зачем это ей понадобилось?

– Все здесь? – осведомилась Надежда.

– Ну да... вот кресла, вот телевизор... вот тумба... вот ковер, который лежал на полу... а вот – тот самый акварельный портрет, из-за которого все и случилось...

Действительно, на одном из кресел лежал небольшой женский портрет в деревянной рамке. Надежда взяла его в руки, чтобы поближе разглядеть.

На портрете была изображена красивая молодая женщина с широко расставленными глазами необычной формы и симпатичной ямочкой на подбородке.

– Что, и правда она похожа на эту твою Алину? – протянула Надежда, внимательно разглядывая портрет.

– Очень похожа! – уверенно проговорил Михаил. – Просто одно лицо!

– Странная история! – Надежда покачала головой. – Так ты говоришь, и ковер точно такой же, какой был в той квартире? Он же свернут, ты не видишь рисунка!

С этими словами она толкнула ногой свернутый в толстый рулон ковер. Ковер откатился по полу, раскрываясь...

И Надежда вскрикнула от испуга и неожиданности:

– Мама!

– Что там такое? – удивленно переспросил Михаил, подходя поближе... и застыл как громом пораженный.

– Мама! – повторила Надежда, вцепившись в его руку.

У нее была причина для испуга.

Свернутый ковер не зря показался ей чересчур толстым. Внутри него находился труп. Мертвый мужчина.

– Это он! – вполголоса проговорил Михаил.

У мертвеца была бритая голова, маленькие, глубоко посаженные глаза, нос с небольшой горбинкой... лицо незнакомца было мертвенного серо-голубого цвета, что неудивительно для трупа. Посреди лба у мертвого мужчины была аккуратная небольшая дырочка, которая совершенно его не портила.

– Это он! – повторил Михаил, но на этот раз продолжил свою фразу: – Это тот человек, который позвонил в дверь Алининой квартиры... ну, тот, который якобы ошибся квартирой!

– Ты уверен? Ты же говорил, что он был в куртке с капюшоном...

– На сто процентов! Видел его как тебя... тьфу, черт!

– Чем дальше – тем интереснее! – отозвалась Надежда.

Первый испуг у нее прошел, ну, подумаешь – труп в ковре, мало ли она их видела. Так что Надежда взяла себя в руки и приняла на себя контроль над ситуацией.

– Как бы там ни было, нам нужно немедленно отсюда уходить! – решительно проговорила она. – Если нас здесь кто-нибудь застанет – у нас будут большие неприятности!

– Колоссальные! – дрожащим голосом проговорил Михаил и следом за Надеждой направился к выходу из бокса. При этом он слегка пошатывался и пытался уцепиться за мебель, чего Надежда ему не позволила – не хватало еще свои отпечатки тут оставить. А вообще, если честно, то она даже удивилась, что он так прилично держится. Она-то ожидала от чувствительного Лёлика если не истерики и обморока, то жалоб и стенаний. А тут в общем все в норме.

Надежда вышла, захлопнула дверь – и только тут осознала, что все еще держит в руках акварельный портрет в деревянной рамке. Конечно, нужно было вернуться в бокс и положить его на место, но она не могла заставить себя снова открыть эту дверь и войти в помещение, где лежит покойник...

Нет, нет и нет!

И вместо того чтобы отнести портрет на прежнее место, она засунула его в свою сумку – к счастью, портрет был небольшой, а сумка объемистая.

– Уходим! Скорее уходим! – торопил ее Михаил.

– Постой! – возразила Надежда. – Сначала нужно запереть эту дверь, а то кто-нибудь из охранников или складских работников заметит, что она открыта, войдет, найдет труп и бросится за нами...

– Да, точно! – переполошился Михаил. – Что же делать, Надя? Что делать?

– Без паники! – прикрикнула на него Надежда. – Если я сумела открыть этот замок – я сумею его и закрыть!

Она снова вооружилась двумя шпильками и принялась за замок.

Закрывать его оказалось еще сложнее, чем открыть, но Надежда не сдавалась. Наконец замок громко щелкнул и закрылся. Надежда перевела дыхание...

И тут за спиной у нее раздался суровый окрик:

– А что это вы тут делаете?!

Надежда оглянулась.

Позади них с Михаилом стоял мужчина лет сорока в униформе охранника.

– Что это вы тут делаете? – повторил он сурово и потянулся к рации, которая висела у него на поясе.

Михаил побледнел и открыл рот. У Надежды возникло страшное подозрение, что он собирается совершить явку с повинной и рассказать охраннику обо всем – о том, как они незаконно проникли в чужой бокс и нашли там труп...

Она пнула Михаила и с глупой улыбкой подошла к охраннику, протягивая ему ключ от арендованного бокса:

– Вот видите, мы этот бокс арендовали, а ключ к нему не подходит... я уж и так, и этак – ничего не получается!

Охранник принадлежал к тому значительному множеству мужчин, которые считают женщин существами второго сорта. Симпатичными, привлекательными, но неспособными на интенсивную работу ума. Идиотская улыбка, которую изобразила Надежда, утвердила его в таком мнении, и он проговорил покровительственным тоном пятиклассника, который объясняет наивному второклашке простенькую арифметическую задачку:

– Гражданочка, понятно, что не получается! Это же не от этого бокса ключ!

– Как – не от этого? – Надежда растерянно захлопала глазами, переводя взгляд с ключа на дверь. – Вот же – две шестерки... шестьдесят шестой номер...

– Гражданочка, вы ключ вверх ногами держите! Это не две шестерки, а две девятки! У вас ключ от девяносто девятого бокса, а это – шестьдесят шестой!

– Что, неужели правда? – Надежда повертела ключ, недоверчиво разглядывая его. – Да... так – две шестерки, а так – две девятки... значит, это не наш бокс?

– Не ваш, не ваш! Ваш – девяносто девятый, это вот там, прямо по проходу, а потом направо.

– Ой, спасибо вам! – прочувствованно проговорила Надежда. – Если бы не вы, я бы еще долго мучилась!

Охранник покосился на Михаила – мол, а ты-то куда глядел? С женщины что возьмешь, но ты?..

Михаил отвел глаза, делая вид, что ничего не понял.

Охранник подергал дверь бокса, убедился, что она заперта, и отправился дальше. Надежда на всякий случай направилась не к выходу со склада, а в том направлении, где находился арендованный ими девяносто девятый бокс – на тот случай, если охранник обернется, чтобы проследить за ними.

Немного отойдя, Михаил с уважением взглянул на Надежду:

– Вот зачем тебе нужен был именно девяносто девятый бокс! Надо же, ты все предусмотрела!

– Ну, конечно, не все, – скромно ответила Надежда. – Например, труп в ковре я не предусмотрела...

– Да, это никто не мог предусмотреть... – Михаил побледнел и остановился.

– Ничего-ничего, – Надежда подхватила его под руку, – все уже позади, мы здесь, а он там остался...

Они дошли до поворота, свернули направо и остановились. Надежда осторожно выглянула из-за угла. Бдительный охранник уже скрылся в складских закоулках, и она подумала, что можно вернуться и наконец уйти с этого склада от греха подальше – как вдруг увидела в проходе между боксами еще одного человека, мужчину среднего роста в темной куртке с капюшоном.

Надежда хотела переждать, чтобы избежать ненужной встречи. Вдруг незнакомец откинул капюшон. Свет упал на его бритую голову, и Надежда тихонько ойкнула.

– Что там еще? – недовольно проговорил Михаил. – Охранник возвращается?

Надежда не могла ему ответить – она буквально лишилась голоса. Вместо ответа она схватила Михаила за правый рукав и подтащила его к повороту.

– Да в чем дело? Что такое ты там увидела? – пробормотал Михаил... и тоже замолк.

Наконец он смог выговорить три слова:

– Не может быть!...

Он встряхнул головой, как после купания, и сумел проговорить еще три слова:

– Надя, ущипни меня!

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что я не сплю!

– Значит, ты видишь то же, что я? – осведомилась Надежда. – Это хорошо!

– Чего же тут хорошего?

– Это значит, что я не сошла с ума. Это значит, что у меня нет галлюцинаций.

– А может, у нас одна, общая галлюцинация?

– Коллективных галлюцинаций не бывает! – авторитетно возразила ему Надежда.

– Но этого же просто не может быть! – измученным голосом проговорил Михаил. – Мистика какая-то, фильм ужасов, возвращение живых трупов!

Этого действительно не могло быть.

Тем не менее по проходу между складскими боксами шел бритоголовый мужчина с маленькими, глубоко посаженными глазами и носом с горбинкой.

Тот самый мужчина, чей труп, завернутый в ковер, они только что видели в шестьдесят шестом боксе.

– Да что же это такое! – страдальческим голосом проговорил Михаил. – Знал я, что не стоит влезать в это дело... Вот как чувствовал, что добром не кончится...

– Прекрати причитать! – одернула его Надежда. – Лучше думай, как это объяснить...

– О чем здесь думать? Этого не может быть, не может! Это просто невозможно! Мы же видели его труп...

– Хватит повторять! Ты это уже говорил! Придумай что-нибудь новенькое!

– Но мне ничего не приходит в голову...

– Тогда лучше помолчи. Молчи и следи за ним...

Бритоголовый мужчина тем временем подошел к двери шестьдесят шестого бокса, огляделся по сторонам, достал из кармана ключ, открыл дверь и вошел в бокс.

– Ага... – пробормотала Надежда, глядя на секундную стрелку часов. – Начинается самое интересное... вот он включил свет... вот прошел в глубину бокса... вот увидел ковер...

И тут дверь бокса снова распахнулась, и на пороге возник бритоголовый. Лицо его было искажено сложной смесью чувств, главным из которых был страх.

– Ага! – повторила Надежда совсем другим тоном. – Для него это тоже было неожиданностью... он удивился и испугался... Лёлик, мы с тобой не сумасшедшие!

– Щас как дам по шее! – машинально отреагировал Михаил на ненавистную кличку, но тут же добавил: – Почему ты так думаешь?

– Я знаю, кто они такие. Они братья-близнецы. Было их двое, теперь остался один.

– Ты думаешь? – на лице Михаила отразилась работа мысли, затем оно посветлело. – А что, может быть... помнишь близнецов Барановых из третьего подъезда? Их родная мать путала! А ты помнишь, как они разыграли управдомшу Валентину Степановну?

Та история стала в их дворе легендой. Надеждины ровесники рассказывали ее своим детям и внукам, а те, в свою очередь, расскажут когда-нибудь своим.

Управдом Валентина Степановна Свиная известна была во дворе своей лютой ненавистью к детям. Она считала, что от детей все беды: грязь, выбитые стекла и всевозможные хулиганства, поэтому воевала с детьми неустанно. Увидит, что девчонки расчертили асфальт мелом для игры в классики, – и тут же несется жаловаться их родителям, что пачкают во дворе и не уважают труд дворника. Заметит, что мальчишки поставили два ящика вместо ворот и собрались поиграть в футбол, – и орет из окна на первом этаже, что все стекла своим мячом перебили. Мяч отберет и опять-таки родителям нажалуется.

Тогда родители были законопослушные, привыкли власть уважать, хоть такую сомнительную, как управдом.

В одном родители и управдом были единомышленны – они запрещали детям ходить на чердак. Дом был старый, чердак раньше использовался для сушки белья и для хранения всякого ненужного барахла, пока не пришла какая-то комиссия и не объявила чердак опасным – стропила прогнили, или балки, или еще что. Навесили на дверь новый замок, а ключ управдом хранила у себя.

Жильцы не очень огорчились, поскольку белье давно уже на том чердаке не сушили, с тех пор как у инвалида дяди Васи уперли две пары кальсон.

Однако, хотя на чердаке не было больше ничего, кроме пыли и голубиного помета, он притягивал мальчишек как магнитом. Замок они не сбивали, а умудрялись перелезть через крышу соседнего дома по проложенной доске, а там уж влезть в узенькое слуховое окошко.

В общем, мальчишки, как известно, везде пролезут, поэтому Валентина Степановна неустанно бдила.

Близнецы Барановы, Саша и Леша, сильно обиделись на управдома за порчу нового футбольного мяча, который она изрезала ножом у них на глазах, и решили отомстить.

В один прекрасный солнечный день Валентина Степановна вышла из дома, привычно окинула хозяйственным взглядом двор и увидела, что из пыльного окошка чердака вывешивается старая простыня, на которой написана рыжей краской строка из популярной в те годы песни «Дадим шар земной детям!».

Обнаружив такой вопиющий беспорядок, управдом ринулась на чердак. Замок был цел, однако на чердаке она обнаружила одного из близнецов Барановых.

Как уже говорилось, родная мать их и то иногда путала, так что никто уж и не заморачивался с их идентификацией.

– Ах ты! – рявкнула управдом. – Да я же тебя сейчас...

И ринулась за хулиганом. Однако споткнулась о какую-то кучу старого барахла, и он успел выскользнуть в слуховое окошко. Управдом видела, как он бежал по крыше и исчез. Ей показалось, что она слышала громкий крик, и сердце нехорошо ухнуло.

Она сама не помнила, как выскочила с чердака и спустилась на один пролет вниз. Оттуда, из окна на лестничной площадке, виден был двор. И там, внизу, она увидела маленькую скорченную фигурку и расплывавшуюся вокруг лужу чего-то красного.

Она не знала, что Саша Баранов (или Леша) соскользнул с крыши и прошел по узенькому карнизу до козырька над балконом, а там и лестничное окно близко. А Леша (или Саша) спокойно улегся на асфальт, вылив из пакета молотые помидоры, которые его мать заготавливала осенью, обильно сдабривая чесноком, как заправку для борща.

Вряд ли Валентина Степановна пожалела одного из близнецов, скорее всего она испугалась, что ее посадят за недостаточную бдительность. И на негнущихся ногах ринулась вниз.

Когда она спустилась, вокруг собралось несколько жильцов. Никто ничего не видел и теперь боялись подойти ближе. Кто-то кричал из окна, что вызвал «скорую», инвалид дядя Вася авторитетно сказал, что уже поздно.

Управдом боязливо подошла к мальчику и села прямо на асфальт, поскольку ноги ее не держали. Тут подоспел второй близнец, который спустился по лестнице из другого подъезда.

– Он с чердака, с чердака упал... – твердил он заплетающимся языком, – он испугался очень...

В этом месте жильцы очень нехорошо и с пониманием посмотрели на управдома. Как уже говорилось, тетка она была злобная и успела со всеми перессориться.

– Это надо разобраться... – протянул дядя Вася, – кто мальчика подтолкнул...

Тут Саша (или Леша), которому надоело лежать на асфальте, сел, протянул окровавленные руки к Валентине Степановне и провыл загробным голосом:

– За что ты меня сбросила вниз?..

Валентина Степановна закатила глаза и упала в обморок. Кое-кто из жильцов учуял запах чеснока и все понял. Близнецы особо не отпирались. Приехавшая «скорая» увезла управдома в больницу. Женщина оказалась крепкого здоровья, так что никакого инфаркта не случилось, однако, треснувшись со всей дури затылком об асфальт, Валентина Степановна заработала сотрясение мозга.

Барановых отец драл ремнем, они вытерпели наказание стоически, а когда через десять дней управдом вернулась из больницы, она нашла в доме совершеннейшее безобразие. Ведь асфальт был расчерчен и разрисован мелом, мальчишки играли в футбол где и когда хотели, в углу двора поставили стол, и солидные мужчины забивали там «козла» теплыми летними вечерами. В другом углу врыли два столба и повесили волейбольную сетку, там тусовалась молодежь из соседних дворов. Играла музыка, и даже мрачный бухгалтер Иван Семенович из третьего подъезда играл на лавочке сам с собой в карманные шахматы.

Увидев такое вопиющее безобразие, управдом поняла, что ей не хватит моральных и физических сил, чтобы все исправить, и немедленно подала заявление об уходе.

– Конечно, помню я эту историю, – отмахнулась от Лёлика Надежда, – только сейчас не время вспоминать детство. Сейчас нам нужно проследить за оставшимся братом.

Бритоголовый тип достал из кармана мобильный телефон, набрал номер и с кем-то коротко переговорил, затем убрал телефон, поднял капюшон, сторбился и побрел к выходу со склада. Даже по его спине можно было понять, какие чувства его обуревают. Что неудивительно – человек только что брата потерял...

Когда он накидывал капюшон, в ухе что-то блеснуло. У Надежды была легкая близорукость и очки для дали, которые она носить не любила. Глазастый же Михаил присвистнул и сказал, что в ухе у бритого серьга, такая же, как та, ломаная, которую нашли они в тридцать восьмой квартире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.